

The illustration depicts a shaman in traditional attire, including a headband with a crescent moon and a long, fringed robe. He holds a ceremonial shield with geometric patterns and the text 'Дух кочевой'. In the background, a large reindeer head is shown in profile, and two tipis are visible on a hillside. The scene is set in a misty, mountainous landscape with a smaller reindeer in the distance.

Воспоминания старого шамана

*«...Дух Кочевой вселялся в человека,
в движении вечном обретая покой...»*

Дух
кочевой

Хамархан
Хамтай
Александр

Хамархан Хамтай Александр Воспоминания старого шамана. Дух кочевой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43018759

ISBN 9785005005182

Аннотация

Книга о людях, об их мечтах и устремлениях. Она о горце из древней притчи и о его пути; о молодых ребятах, которые пошли в свой нелегкий жизненный поход. Она о дальнем поселке, который затерялся на берегу холодного Сибирского моря, о судьбах людей того времени. Книга о пастухе, живущем в Великой степи, о его семье и ее истории. Она о деревенском мастере-печнике, о его последнем кочевом пути. Эта книга о Духе, который объединяет всех ее героев – о Духе кочевом.

Содержание

Введение	6
Горец (древняя притча)	8
Недалекая молодость	14
Нелегкий путь	16
Люди предгорья	20
Учила жизнь	22
Две дороги	25
Прекрасная вечность	28
Не время еще...	33
Глава 1. Ежегодный переход	38
Сава – сын Андрея	40
Егерь и Бато. Хал	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Воспоминания старого шамана. Дух кочевой

Хамархан Хамтай
Александр

Иллюстратор Юлия Хрущева

© Хамархан Хамтай Александр, 2019

© Юлия Хрущева, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-0518-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Воспоминания старого Шамана.

Дух Кочевой

*Мы все живем в деревнях или в городах.
У нас тепло и солнце светит долго;
Но есть места, где солнца нет в горах.
Там люди поклоняются ему как Богу.*

*Там в непогоду, среди хмурых туч,
Хоть на мгновение тьму рассеет,
Оно для путника – как луч:
Уставшую, от жизни, душу отогреет.*

(Солнце для путника)

Введение

Дорогой читатель! Книга, которую вы держите в руках, явилась продолжением романов «Путь Волка» и «Молодое поколение». Она о людях, об их мечтах и устремлениях. О силе, что заставляет человека двигаться вперед. Она о горце из древней притчи и о его пути; о молодых ребятах, которые пошли в свой нелегкий жизненный поход. Она о дальнем поселке, который затерялся на берегу холодного Сибирского моря, о судьбах людей того времени. Книга о пастухе, живущем в Великой степи, о его семье и ее истории. Она о деревенском мастере-печнике, о его последнем кочевом пути. Эта книга о Духе, который объединяет всех ее героев – о Духе кочевом.

Есть в ней и древние знания, сокрытые за кажущейся простотой, приключения и радость от реальной, настоящей жизни. Есть в книге тепло и забота предков, – всех тех людей, которые прожили поколения до нас.

Жизнь, наша, не стоит на месте, – она всегда прекрасна, ценна и по-своему уникальна! Ради нее и существует человек.

Вперед мой друг, смелее приступайте к чтению книги!

С уважением, Автор

Главные герои явились собирательными образами, вместившими в себя много поколений хороших людей и их характеров, сохраняющих традиции, язык и культуру своего народа. Все, о чем здесь сказано, все герои и события книги, являются художественным вымыслом, а любые совпадения носят случайный характер.

Горец (древняя притча)

Старец тяжело поднимался по тропе, переступая по выветренным, местами, разрушенным камням. Каждый шаг, его, отдавался гулко по всему немолодому телу. Путник остановился на мгновение, отдышался и посмотрел в сторону. Везде, насколько хватало его взгляда, окружали горы, а впереди, за дальними сопками, виднелся вековой ледник. Сверкая своей многотонной массой, он никогда не таял, как бы ни старалось короткое местное лето. Здесь, высоко в горах, оно не приносило ощутимого тепла. Порывы ветра бывали настолько неожиданными и резкими, что срывали случайных путников и животных с крутых горных уступов.

Силы будто выбирали: кого забрать на этот раз, а кого приберечь для следующего. Стихии перемежались: теплая солнечная прохлада сменялась внезапно ураганом со снегом или ливнем.

Бывало, стихии путались, – сбивали годовые циклы. Тогда в зимний и не очень морозный день, с небес проливался ледяной ливень. Попадая на скалы, он мгновенно застывал, делая непролазными и скользкими тропы между горными селениями.

Бывало в природе и по-другому. В летний нежаркий день, неожиданно налетала выюга и затягивала все высокое небо.

Сверху тогда сыпался снег, накрывая собой, редкие растения и молодые побеги.

Горцы, закаленные непогодой, были готовы к таким капризам.

Земля, промёрзшая насквозь, сохраняла в себе холод от прежних лет, она лишь незначительно, на короткое время, оттаивала и снова погружалась в застывшее состояние.

– Я иду за тобой, любимая! – мысленно обратился старец. Он переложил посох в другую руку, подкинул жилистым плечом вещевой мешок и двинулся дальше.

Когда-то давно, когда его тело было молодым и крепким, его ноги проходили этот длинный нелегкий путь, от начала и до самого конца. – Путь человека, ведомого силой, исполненного и движимого сильным духом, – Духом мужчины-горца. Это был путь его предков, его дедов и отцов. Все они проходили когда-то: обычно дважды в жизни, но кто-то проходил и больше.

В первый раз шел горец, в сопровождении старшего из рода. Второй – уже самостоятельно. Был он тогда моложе, и сил было много, а в голове у горца зрели большие планы.

Стоял он на большом валуне у самой глубокой пропасти, вечностью наслаждался и миром, что лежали у его ног. Жизнь казалась ему бесконечной, словно река, которая стекала с верховий и несла в своих водах прохладу от гор.

Как ни странно, но жизнь соглашалась: текла по берегам

его судьбы. Она прыгала из одного русла в другое. На очередном повороте переваливалась через камни, окатывая острые углы непокорного и горячего горского характера. Падая с высокого уступа, очередной ошибки или неудачи, она разбивалась в мелкую пыль. Так долетая до самого низа и перемешиваясь с влажным воздухом, водная суть менялась на легкую и воздушную.

Жизнь его делала очередной поворот и взлетала вверх, как взлетают нагретые солнцем потоки и подхватывают собой гордых большекрылых птиц.

– Я иду к тебе! – крикнул старец, шагая по узкому уступу. Его неуверенные уставшие ноги скользнули по не ровной тропе, и чуть было не свалили старика в пропасть. Но крепкие жилистые руки все еще чувствовали силу и вовремя уперлись посохом, не дав ему упасть. Вещевой мешок скатился по острому плечу и повис, балансируя человека между жизнью на нашей земной тверди, и скользким и нелепым обрывом, в темную пугающую глубину.

Бездна глянула на старика своим холодным злобным оскалом. И он ей не понравился – старый и немощный.

– Не время, Старый, – не до тебя сейчас..., – прошептала Вечность и обдала его вечным холодом.

Старик отпрянул и поежился, – полжизни пронеслось у него в глазах.

Вечность была занята другим делом. Ею готовились тря-

сения и камнепады, – явления страшные, неотвратимые. Редкий путник, застигнутый в горах, уходил от таких явлений. Вернее было сказать по-другому: он уходил – если небеса ему позволяли. Они оценивали каждую душу, пребывающую в эти суровые, не приветливые места.

Но зачем люди приходили сюда? – Никто и никогда не понимал. Поколениями следовали, один за другим. Точно так же как птицы следуют с севера на юг, как звери оставляют свои места и мигрируют, как рыбы проплывают многие километры вверх, по узким протокам и речкам. Но то птицы, животные и рыбы.

А что двигало человеком, какая сила? Что заставляло его проходить этот нелегкий и опасный путь? Путь откуда не все возвращались.

Люди словно застывали в горах, в этом вечном и непокорном странствии.

Старик ухватился крепче за посох, переступил ногами на твердое, – подальше от уступа. Он устало привалился к скале и прошептал:

– Нее..ет, погода, – не время мне еще. Должон я дальше идти...

Так он стоял у отвесной скалы среди высоких и холодных гор. Дыхание его сбивалось: воздух разреженный не давал никакого насыщения.

Внизу в долине, он был другим. Порой появлялся крепкой жилистой тенью, – худой весь и высушенный. Со стороны казалось: в чем дух-то его держится? В другой раз, когда к нему приходили за делом или советом родные люди, он казался большим и сильным, сильнее любого мужчины в Роду.

Порой, он становился как скала: такой же крепкий и суровый. Лицо его становилось похожим на горные камни, освещенные редким солнцем, выветренные ураганами и ливнями.

Старик посмотрел вниз, а потом вверх, отпрянул от холодной скалы, и двинулся дальше, по направлению убежавшей, еле приметной, каменистой тропы.

Обычный путь, пологий и длинный, шел в другом месте. Он начинался на много раньше, в другом селении, и проходил выше. По нему шли паломники – далекие чужестранцы, изредка появлявшиеся в этих затерянных краях.

Старик же выбирал короткий путь, крутой и опасный. Тот, по которому двигались, когда очень спешили. Когда не считались ни с силами, ни с возможным риском не вернуться из этого опасного путешествия.

Родное селение горца – высокое. Погода здесь солнечная, ясная, – не то, что в горах. Казалось бы: распадок и все то же

самое, – ан нет. Живут здесь люди как у Бога за пазухой! Ни за что не переживают: и речка есть, с водой чистой как слеза, и трава сочная для скота, – работай только, да предков своих прославляй. Все что Богом создано, – все для жителей далекого предгорья.

Берёг Создатель селение горца, как дом свой небесный защищал. Хранил от камнепадов и от селей, снежные лавины спускал другими склонами. Ветры высоко поднимались, гоняли тучи по небу, чтобы землю влагой напоить. Сезонами время текло: весной ранней, летом и осенью.

Зимой же ветры спускались в селение, задували холодом, – воспитывали горцев. Всем характером ветренным показывали: не равнина здесь, а высокое предгорье.

Жизнь в этих местах – для крепких и сильных Духом, нет здесь места для лени и слабости.

Жили люди в труде и в гармонии: Бога прославляли, детей воспитывали. Радовались каждому небесному мгновению. Хранили традиции дедов и отцов. Не одним поколением придумано – но многими поколениями.

Недалекая молодость

Ушел из селения старец. Подалась его душа в горы: посмотреть высоко на небо, – на землю в последний раз взглянуть.

Шел пока, – вспоминалось прошлое. Как вместе с братьями и сестрами они гоняли скот, как помогали родным и близким. Вспоминал родителей своих: мать и отца, деда своего – старейшину. Как они жили дружно, всем миром дом строили, готовились к холодной ветреной зиме.

Как приходил торговый караван в селение. Как выменивали горцы у караванщиков нужные и полезные вещи.

Слушал тогда молодой горец чужие рассказы, про походы караванные, и про народ из дальних краев.

Вспоминал он, как сам ездил в другое селение, невесту себе выбирать. Как он, полный сил и энергии покорил красавицу из другого рода, и как получил согласие от ее родителей. Как целый год он работал, отцу помогал стадо растить, чтобы калым за невесту отдать.

Были в его жизни радостные моменты, были и будни серые – неприметные, было горе тяжелое – рана неизлечимая. – Все это прожил горец, всю свою ношу до самой старости донес. Оставил в памяти только светлое и только яркое. Темное и обидное по пути он сбросил, не стал свою душу чернью нагружать.

Дети у горца давно повзрослели, выпорхнули из родного дома. Обзавелись хозяйством, семьями и собственными детьми.

Раньше, много лет назад, жизнь была бурная – как весенняя горная река. Длилась она беспечно, пока не произошло одно событие. С тех пор все пошло по-другому.

Он сильно поменялся. Отдалился от многих своих товарищей, хотя и продолжал оставаться уважаемым в роду. Горец повернулся к детям. Раньше, за всеми заботами и делами, у него находились причины, чтобы отмахнуться от них. Теперь же, он сам искал любого повода побыть рядом, поговорить с ними, успокоить. А когда появились внуки, горец стал любимым дедом, – строгим и справедливым.

Жизнь снова соглашалась с горцем. Теперь она была размеренная и спокойная. Перестали волновать мелочи и прочие неурядицы. Споры и ругань среди других людей, он гасил мягко, но настойчиво. В нем появилась Мудрость Гор. Из крепкого, когда-то, молодого человека, со стальными мускулами и свободным ветром в голове, он стал сухим жилистым старцем, с сильным Духом и несгибаемой волей.

Шли к нему люди, в родном селении, с вопросами разными, конфликтами и кровными обидами. Все это он решал.

Нелегкий путь

Но, что горца повело на этот раз? Какую дорогу он выбирал? – Никто не знал этого. Да горец ни с кем и не делился. Поднялся однажды утром, что-то сыну старшему передал, простился с ним и ушел. Рано исчез из селения.

Пока шагал по жесткой каменной тропе – мыслями собирался. Приводил их в порядок в своей голове.

Окончил дела земные старец: что нужно – сделал, что должен – отдал. Дорогу выбрал крутую, скорую и опасную. Ту, куда редко кто уходил и возвращался назад. Вела она людей высоко, в самые небеса.

Не многие устаивались этой дороги. И только на скло-не лет. Кого-то из горцев хворь одолевала, не мог он больше в горы подниматься. Другой, не доживал до старости, – раньше времени пропадал. А кто-то и жил долго и силы у него оставались – но права он не имел, проходить путями священными.

Старик же, делами земными, заслужил этот путь. Заслужил он родных избавить от горя их и утраты.

Пробудился однажды древний Дух ото сна и повел старика за собой.

Создатель Великий писал свою новую картину. Началась

другая история, – та, которая долго остается в памяти.

Другие события и другие люди собрались в этом месте. Пошли они в горы, путями паломничьими, путями праведными, чтобы укрепить свой Дух и усилить веру.

Шел дальше старик. Терзали горные духи его тело: ветрами насквозь продували, дождями холодными пронизывали до самых костей. Но, несмотря на все трудности и лишения, продолжал горец свой путь. Шел не оглядывался, только лицо прикрывал от шквального ветра, да изредка посохом упирался о землю, чтоб не упасть от порывов и от усталости.

Никак не могли духи понять, как он, старый, все еще держится, на каких таких жилах и мощах. Почему не свернет с пути, не сгинет вниз навсегда или назад не воротится. Не дано им было понять, что за немощным старым телом скрывается сильный Дух.

Дух, который вел старика по всей его жизни. Поднимал с колен, когда силы кончались, и жить становилось невозможно. Вытаскивал из мыслей черных. Давал веру, взамен ушедшей любви, заботу о ближних и детях, о внуках вновь народившихся.

Злились духи на старика, камнями кидали сверху, молниями в него метали, грохотали раскатистым громом. Всяко давили на горца: пугать пытались встрясками и обвалами.

Падал старик, валился на землю, но потом все равно поднимался, и дальше шел, не смотря на преграды и на усталость.

Меняли духи друг друга в пути. Дождем поливали горца, ветром обдували. Туманы нагоняли на тропы, да так, что ничего не видно: не воздух кругом, а белое молоко. – Глянешь сверху – ни тропы не видать, ни собственных ног.

Все равно шел горец, посохом впереди стучал, – дорогу наощупь прокладывал.

Точно так, как и он сейчас, шли многие, по своей жизни, на ощупь и без наставника. Словно в полной темноте. Шараясь из стороны в сторону, поддаваясь на соблазны и уговоры, на чужие обещания. Но жизнь не была всегда яркой и сладкой на вкус, она бывала кислой и горькой, лишь изредка показывая свои светлые стороны. Такова она оказывалась, такова была ее цена: вечная дорога, вечная неуверенность и сомнения.

Била горца жизнь, испытания свои посылала. За каждым легким поворотом следовал тяжелый и опасный затяжной подъем. Потом вдруг судьба срывалась вниз, и казалось, ничто ее не остановит от неминуемой катастрофы. Но происходило нечто, что оставляло горца на этой земле. Цеплялся он за жизнь, изо всех своих сил. Цеплялся даже тогда, когда и шансов никаких не оставалось. Вселенная дарила ему один и единственный шанс. И как бы не падал и как бы не разбивался горец, все равно оставался жив и при своей памяти.

Позже наученный горьким опытом он продолжал свой нелегкий, уверенный путь.

Прошли годы, прошли не нужные метания и ложные цели. Силы, с возрастом, становилось все меньше. Однако оставалась непоколебимая вера в Создателя, и в то, что какой бы темной не была темная ночь, после нее всегда наступит рассвет и новый наполненный жизнью день.

Закалялся характер горца, укреплялся его Дух. Знания его становились опытом, а опыт мудростью. Пришло его время делиться.

Шли к нему молодые: спор рассудить или помощи в деле просить. Давал он советы и делом помогал. Разрешал споры сильные, ругани и обиды выслушивал. Судил по справедливости, становился на сторону слабого.

Сам был когда-то молодой и горячий, сам понаделал ошибок, обид причинил по глупости, по упёртости своей молодецкой.

Люди предгорья

Жил в то время в селении другой уважаемый старейшина. Ставил он справедливость на первое место – наказывал горца молодого за дела несправедливые. По-полной наказывал, безо всякой пощады, – в назидание другим.

Видал горец и чужие ошибки, и собственные. Их, в особенности, собственной шкурой чувствовал. Учился он законам негласным, суть естества постигал, суть справедливости родовой и природной.

Была у горца жена красавица и умница, нарожала она детишек, воспитала их правильно. Достойным примером стала для детей. Покорной с мужем была и покладистой. Помогала ему, поддерживала в делах и в разных вопросах. Когда сомневался ее мужчина, сердился, она успокаивала по-женски, советы ему давала.

Получались они рассудительные, с обеих сторон взвешенные, – решения, которые горец принимал.

Разное повидали вместе: и хорошего и плохого. Учила жизнь молодую семью, показывала все прелести и невзгоды. Наговоры показывала соседские, зависть и несправедливости. Через многое они прошли, много чего испытали. И, несмотря на горячий характер горца, на вспыльчивость и обиды, которые в ярости мог нанести, прощала молодая женщина мужа. Оставалась верной спутницей по всей его

не спокойной жизни. Разделяла заботы и хлопоты, тягости и все испытания.

Когда приезжали гости в селение, горцы принимали их. Стол накрывали, песни веселые пели, разговоры вели душевные. Оставляли их на ночлег. А после, перед отъездом гостей подарками их одаривали и их ребятишек.

Не баловала жизнь молодых, жестко порой воспитывала. Края предгорные – не простые. Ленишься здесь некогда и долго отдыхать: все, что руками и ногами, навыками своими заработаешь, то и твое. Еще и природа вмешивалась в планы, свои коррективы вносила.

Научила жизнь радоваться самому малому: солнцу и ветру, дождику, новым ягнятам в стаде, траве зеленой на склонах, – самым простым человеческим вещам. Удивлялись люди всему, что их окружало, и делали это искренне, с чистой и детской наивностью.

Трудились они не покладая рук: на кусок хлеба честно зарабатывали, на чужое никогда не зарились.

Учила жизнь

Шел старый горец по тропе, большие усилия прилагал, чтобы к цели добраться. Гудели ноги от усталости, но руки продолжали крепко держать деревянный посох. Иногда он останавливался ненадолго, отдыхал.

Не баловала погода горца: то дождик «накатывал»: мочил с ног до головы. Трудно тогда приходилось, – никуда не спрятаться от дождя.

После, ветер налетал, гудел, завывал как зверь. Начинал по-своему старца испытывать: влажную одежду порывами рвать, пронизывать до самого его естества.

Но, несмотря на преграды погодные, шел горец, – путь свой уверенный продолжал.

Волосы седые развивались на холодном ветру. Лицо без света солнечного казалось еще суровее. Несли, его, ноги по каменистой тропе, посох опирался о твердь земную, не давая запнуться или упасть.

Снова туман напустился, опять все затуманил. Однако горец не остановился, – пробивался своей дорогой.

Тяжелел туман, насыщался. Опускался он все ниже и ниже, пока не открыл Небеса, – такие близкие и такие родные.

Остановился горец, глянул на небо: высоко в облака, – туда, где когда-то светило солнце.

– Я иду к тебе, любимая, – повторил он тихим голосом.

На его лице проступила скупая мужская слеза. Не выдержал он от накатившей горечи, оперся на свой посох, склонился.

Где-то рядом, недалеко в тумане, прокричала птица. Холодом обдало старика. Он отпрянул в сторону, едва не уронив свой мешок. Присмотрелся внимательно, но ничего не увидел.

– Еще немного..., совсем немного..., – проговорил он еле слышно. Подкинул мешок повыше, глубоко вдохнул и распрямил сгорбленную от усталости спину.

Далеко, в своей молодости, он был высокий и статный, широкая кость и мышцы налитые. Руки его были цепкие, как будто стальные, глаза глубокие и пронзительные. Силы было много у горца. Много работал он, далеко ходил своими ногами, познавал жизнь через природу предгорную, через свое ремесло. Ошибки свои собирал собственные, – не слушал ни чьих советов.

Учила жизнь, его, порою жестко. Сильно стучала с разных сторон: валила с ног, ломала непокорного. Но вынес горец ее учебу. Много ошибок накопил с годами. Наступал этап все исправить. Стал горец принимать наставления от старших, к советам начал прислушиваться. Правы были старейшины, правильно все советовали. И жизнь продолжалась, – не стояла на месте.

Подрастали дети, уходили в горы старики, покидали родные и близкие. Мало чего осталось, с того времени, от молодого статного горца. Разве, что руки такие же цепкие, и пронзительный взгляд, на испещренном от морщин суровом лице.

Пока он стоял, вспоминал свою молодость, с удивлением начал замечать, что туман вдруг рассеялся. Услышали Духи его намерения, выпустили молодой сильный ветер. Разметал он белую пелену и полетел дальше, пыль по горным склонам гонять и вихри закручивать. Растворились остатки тумана, осталась лишь дымка, нависшая над самыми пиками гор.

Две дороги

Солнце выглянуло из-за облаков, осветило склон, по которому шел старик, лицо его осветило.

Утер слезу горец, успокоился и дальше побрел, мимо острых камней и огромных скал. Шел уже осторожно, боялся до места не дойти, раньше цели упасть и не подняться, оступиться и пропасть в темной бездне. Прошел до развилки, где тропа становилась шире. Здесь сходились вместе две дороги. Пути местных горцев, – по крутым и опасным уступам, и пути не местных паломников, – пути пологого, не такого крутого и опасного. Здесь они встречались, и двигались вместе. Но потом их дороги расходились, словно две речки текущие с одной высокой горы.

Недалеко на широкой площадке лежали пирамиды рукотворные из камней. В двух из них, самых крупных, были воткнуты деревянные шесты, обвязанные синими веревочками. Здесь останавливались паломники, здесь же молился их провожатый. Просил у духов местных, у гор высоких разрешения пройти, – путь нелегкий продолжить. Отсюда начиналась новая жизнь у паломника, здесь и решалась его судьба.

Были и у горцев свои священные места, но не сходились они с паломничьими. Другая у них была вера и другая история. Горец прошел мимо куч, мимо шестов, осмотрелся, но никого не увидел.

«Бывает и так» – подумал он. – «Не каждый день сюда ходят». Перехватил заплечный мешок и двинулся дальше, – вверх по каменной тропе. Позади горца снова начал стучаться туман. Он словно снегом укрывал горы, обволакивая нижние уступы и склоны, прятал от глаз посторонних котловины и пропасти.

Поднимался старик, преодолевая боль и усталость. Волей одной поднимался без сил, Духом крепким себя вытягивал.

В одном месте, на пути появился ручей. Он падал с верхнего горизонта, разбрызгиваясь в падении и разбиваясь о крепкий монолит. Тропа обрывалась с одной его стороны, и снова появлялась на другом «берегу».

«Вода сильнее камня» – подумал горец. «В любом месте выход себе найдет». Он осторожно перебрался по поваленному деревцу на другую сторону.

Спустя десятки метров вышел на небольшую площадку с широким валуном у самой пропасти. То было священным местом у горцев. Здесь они молились, здесь обращались к Создателю, благодарили его за свою жизнь за все испытания, за семью и своих родных.

От этого места тропа уходила дальше за поворот, и двигалась напрямик к священной горе, – цели других людей, не горцев, но пришлых паломников. Для горцев она была священной. Знали ее от самого рождения, легенды разные слагали.

Побаивались горцы говорить плохо о той горе, потому как она все слышала и наказывала неугодных. А появляться поблизости и вовсе считалось великим грехом, почти что осквернением святыни.

Прекрасная вечность

Остановился старик, опустил заплечный мешок, и сел на широкий камень. Поднял взор высоко, в самые облака. Туда где были все его предки.

– Ну, вот я и пришел к тебе, – сказал горец и расплакался. Не вынес больше без родной души. Долго ждал он момента, когда снова поднимется в гору, и полетит вслед за своей любимой.

Слезы лились из усталых глаз, – слезы всей его долгой жизни.

Ветер поднял их и понес высоко в небо.

Закрутились вихри, закружили тучи. Гром загрохотал, молнии засверкали, разрезали тучи своими линиями. Пошел с небес теплый дождик, – благословенный, согреваемый солнечными лучами.

– Я иду за тобой, любимая, – поднялся старик уверенно, пригладил свою седую голову, подошел к краю широкого камня и приготовился сделать последний шаг...

Для местных людей – дорога в горы была священной. Путь всей их жизни: путь молодого мужчины в молодости, путь зрелости – в зрелые годы, и путь последний, – величествен-

ный.

Для пришлых паломников этот маршрут был праведным. Вверяли они свои судьбы в руки Создателя. Уходили отсюда далеко за перевал, к священной горе. Как первые, так и вторые могли пройти все, от начала и до самого конца. Могли назад вернуться, к привычной мирской жизни, обновленные и одухотворенные. Но могли и не вернуться: оступиться по дороге и свалиться в бездну, замерзнуть или сильно заболеть по пути.

Самые зрелые среди них и духовно возвышенные, те, кто окончил земные странствия и дела свои, воспаряли в глубокое синее Небо. Прощались оттуда с близкими, махая руками с белоснежных кораблей-облаков.

Уходили их души в свой последний рейс, в последнее плавание по нашей прекрасной Земле.

Внизу, под ними, проплывала волнами жизнь: еще одно рождение, один утренний рассвет и вечерний закат.

Старый Художник-Создатель писал очередную картину на своем холсте, – новые земные пейзажи и новых молодых героев. Менялось время: старое поколение уходило в историю, уносило за собой целую эпоху.

Радовалась Вселенная стараниям Создателя, – любовалась она земной красотой.

Гармония и любовь проявлялись в душе у людей: с каждым из них, в это время, общалась Великая Вечность...

Стоял горец у самой пропасти, мгновения его разделяли от последнего шага. Время сжалось, – вдавилось в горный гранит. Вернуло оно горца в прошлое: в момент, когда они были вместе с любимой женой. Молодые, полные сил и своих надежд.

Солнце светило им по-особому, и каждый новый день представлялся открытием. Даже за хлопотами, за делами, было счастье рядом, любовь была с ними. Был в их доме мир и покой.

Но что их разрушило, почему все пошло супротив? – Не мог ответить на это горец.

Пришла беда в их дом, заболела хозяйка, занемогла сильно. Быстро угасала она у горца на глазах. Из молодой и цветущей женщины она превратилась в немощную. Догорела свеча ее и быстро угасла. Остались у горца дети, и тяжелая незаживающая рана в душе. Ни что не могло удержать его на этом свете: ни рассветы яркие, ни закаты, ни планы не сбывшиеся, ни дороги обещанные.

Ходили к нему старейшины, разговаривали. Вразумить пытались от шагов необдуманных. Разговоры, те, для молодого горца казались бессмысленными, как и его собственная жизнь. Все померкло с уходом жены. Не к чему дальше стремиться, некого больше любить. И помочь ему тоже некому, детей поднимать и воспитывать. Погоревал молодой горец и одумался. На детей своих внимание переключил. И родные тоже стали ему помогать. И дети подросли, отцу по хозяй-

ству, в работе его помогали.

Вот тогда-то и дал он себе слово: как поднимет детей, как на ноги их поставит, так и продолжит путь далекий, отцов своих и дедов. Пойдет в горы, к своей единственной и любимой, пойдет за своим прошлым и покинутым счастьем.

Стоял горец у последней черты, воздухом свежим наслаждался. Ветер обдувал его легкими порывами, седые волосы развивал на его голове. Однако не трогал ветер старого, никуда не подталкивал.

Старик распрямился наконец-то, сделал последний вдох и шагнул навстречу Вечности, навстречу его единственной и любимой...

Подхватил ветер горный старика, его легкое тело, и понес высоко-высоко, – в самые небеса, на одно единственное облако. Туда где он наконец-то встретится со своей любимой, с той, что даровала жизни детям, и ему самому даровала смысл в жизни.

Плакала Прекрасная Вечность, теплым дождем плакала, землю слезами своими орошала. Вспомнила вечность свою юную и чистую любовь.

Время бежало, не останавливалось. Пролетел и его, горца, последний день. И настал вечер, а за ним и ночь пришла. Зажглись на небе две новые звезды. Горели они ярко, освещая путникам дорогу, и служили для них ориентиром в долгом и нелегком пути.

Запомнил народ ту историю и слагал легенды про два верных и любящих сердца...

Не время еще...

Но не все так просто казалось в истории. Не любо было Создателю старика отпускать. Оставались дела не выполненные, люди не прощенные оставались у горца. Не суждено ему раствориться в горах, но в родных стенах и в теплой постели: в окружении любящих людей, детей своих и близких.

Хотел старик шагнуть в пропасть, но поднялась оттуда птица неожиданно, большая, – та, что в тумане прокричала и обдала старика своими крыльями.

Растревожил горец своей историей душу у Вечности, до самых слез ее довел. Не позволила она уйти старику за отцами и дедами. Птицу большую подняла из долины. Торопилась птица, старалась поспеть за стариком. В тумане летела за горцем. Перед самым камнем из пропасти поднялась. Махнула крыльями, напугала горца. Отшатнулся он от пропасти, упал на большой валун, рядом со своим посохом и мешком.

Птица прокричала пронзительно и повисла в воздухе. Она вглядывалась в глаза старика, широко раскрыв свои крылья. Сильный ветер подхватил из долины нагретые солнцем потоки воздуха. Поднялись они вверх вдоль высоких скал, вдоль горных хребтов и уступов. И сейчас, у широкого камня, держали потоки большую сильную птицу, сохраняли ее в равновесии.

Горец поднялся и сел. Стал он рассматривать чудо природное, тот единственный знак, сильнее которого он в жизни не видел. Слезы потекли из его старых глаз...

Совсем рядом прошли паломники. Они, как и горец перешли горный ручей, а чуть раньше, останавливались на большой площадке, где помолились своим богам.

Теперь, перед ними возникала картина: седовласый путник сидел на широком камне, одной рукой он сжимал деревянный посох, а другой утирал слезу. Напротив парила большая черная птица. Кончики крыльев, ее, колыхались от воздушных потоков. Было в ней, что-то мистическое. – Словно Дух Горный поднялся в небо и предстал пред горцем...

Смотрели они друг на друга, и молча о чем-то общались.

– Еще не время, – ветром прошумел Создатель.

– Не время еще, – эхом повторила Вечность.

Птица «повисела» напротив горца, потом резко взмахнула крыльями, и, в большом развороте, поднялась высоко-высоко, – в самые высокие облака. Там она «растворилась», посреди глубокого синего неба.

Старик передал что-то мысленно птице. Поднялся и по-

шагал назад, – вниз по каменистой тропе. В родное селение, к своим любимым и близким людям.

Очистились небеса от туч и тумана. Засияло солнце над горными пиками, горы осветило своими лучами. Другую страницу открыл Создатель: не было в ней ни грусти, и ни горя, но было в ней счастье и большая земная любовь...

Он был давно в таких местах.
Паломником когда-то шел в горах:
Шел за ведущим по тропе.
Дух Кочевой позвал его к себе.

Там испытал любовь и радость,
Лишения, холод и усталость.
Моменты грусти и печали,
Все с первым солнцем отступали.

Пред ликом Божьим помолясь,
Его защиты попросясь,
Паломники пошли вперед,
Туда, где солнечный восход,
Им горы тайны открывали,
В сопровождение знаки подавали,

Дух Кочевой узреть успел,

Небесной птицей пролетел,
Их души он сопровождал,
Паломника на камне дал.

Природа их предупреждала,
Детей своих оберегала,

Постигнуть истину в горах,
И, несмотря на жуткий страх,
Случайности, трагедии в пути,
Они сумели обойти.

Благодаря Ведущему и Вере
Назад вернулись без потери.
Родным, историю поведав,
Уверовав сильнее в Бога.

Дух Кочевой тянул вперед,
Водил он кочевой народ.

Пройдут века, истории пройдут,
И поколения целые уйдут,
Эпохи и столетия сгинут,
Но нашу землю не покинет
Один, единый и живой,
В движении вечном Кочевом.

Народ он снова позовет,
И за собою поведет.

Другим он назовется именем,
Но эту Вечность не покинет.
Живой, как прежде, и родной,
Для них, Дух, тот же – Кочевой!

(Дух кочевой)

Глава 1. Ежегодный переход

*Волнующее чувство охватило суть,
Он поднимался долго в горы,
Туда, где обиталища всех душ,
Под облака, – в бескрайние просторы.*

*Закончив этот путь земной,
Они назад летели, выше,
Взор, устремляя в небо, свой,
Домой туда, – откуда все мы вышли!*

(Божественная суть)

Раз в год они выбирались, подгадывали свой отпуск, кто-то отгулов подкапывал про запас. Деньжат собирали, а потом скидывались «в общий котёл». Как-никак, переход долгий: и продуктов надо закупить и снаряжение собрать, технику отремонтировать и бензином ее напоить. – Без топлива она не поедет, – заупрямится техника.

Сговаривались загодя, и после сборов, на военном вездеходе, поднимались к егерю, до его заимки. А дальше, со снаряжением, уходили далеко в самые верховья.

Сперва их егерь вез на конной телеге, до первого зимовья. Там они останавливались и ночевали. Наутро выдвигались дальше, а егерь возвращался к себе на заимку.

Собачки – лаечки, сопровождали своего хозяина. Шли за ним по дороге, кормом подножным промышляли: где мышек полевых ловили, а где и птичек зазевавшихся. Однажды, они загнали зайца-рысака.

В разное время ходили в этих местах. Зимой по лесным заснеженным тропам. По замерзшей реке, на груженных снегоходах, с вещами да с прицепами. Но, то было зимой: в крепкий мороз и в глубокий снег.

Летом же – совсем другое дело. Тепло, солнце над головой, мухи, правда, досаждают, да гнус с комарами. Но если на такие мелочи не обращать внимания, то места здесь красивые, чистые, – самой Природой бережённые.

Вот так, куда бы ни поехал в наших землях, или не пошел, в любое время года есть своя романтика и своя прелесть.

Края знатные: несколько лет назад уже проходили здесь с командой, когда охотились на медведя шатуна. Все тогда побывали, за исключением Савы – старшего сына Андрея – деревенского механизатора.

Сава – сын Андрея

Сава – крепкий парень, рослый, весь в своего отца! Ни в чем не отставал от бати.

Хвалили его старики деревенские, так говорили про него:
– Толковый мужик вырастает из Савы, с хорошей головой и с руками мастеровыми. Его бы направить вовремя, и кое-что подсказать.

Когда он немного подрос, – профессии освоил столярные и слесарные. С плотником практиковался. Мог работать топором – пазы выбирать, шканты сверлом сверлить и с рубанком хорошо управляться. Замки однако плотницкие не получалось у него делать, «руку пока еще не набил».

Мог Сава сруб ложить в помощниках. Сарай они с батей колотили, стайки. Как-то летом, баню перебрали.

Покосило ее от времени, на одну сторону под завалило. Андрей расстраивался от предстоящего ремонта:
– Как подумаю, сколько работы предстоит, руки опускаются. Это ж денег еще надо и материала.

Но Степан подбадривал его:
– Да не бойсь, ты, Андрюха, – нижние венцы прогнили, – вот она и накренилась.

– Так всю же перекладывать!
– А ты не кипишуй раньше положенного! На домкратах поднимем ее, проверим, – может пару-тройку венцов, и по-

меняем. Только аккуратно поднимать будем, равномерно. И, да..., крышу придется переделать.

– Так я, ее, и сам хотел менять. Старая, шифер посыпался, обрешётка местами по сгнила. Еще бы стропила проверить.

Когда собрались мужики, ближе к делу – так все сразу и проверили.

Венцы нижние совсем прогнили. Первым оказался сосновый, – не пригодный для первого ряда. Так обычно не кладут, а в бане – тем более. Лиственничный первый ряд ложат, могут и два и три положить. Не гниет такая древесина от влаги.

Начали работы по порядку. Сначала крышу сняли. Шифер, как решето – за небом можно наблюдать, – за звездами сквозь дыры в шифере.

Между трухлявыми стропилами, на уцелевшей обрешётке, лесные осы свили свое гнездо. Пока там жили – никому не мешали, никто и не знал об их существовании. Но когда их потревожили, – они напали на Андрея. Всего искусали. Благо, день еще рабочий, и Степан оказался на мотоцикле.

Они быстро доехали до медпункта. «Больного» Андрея до самого места доставили, – широкоплечего, почти под два метра ростом.

– А по тебе и не скажешь, что осы покусили! – удивилась Мария, деревенская медсестра.

– Лицо только оплыло слегка.... Хотя... мне кажется, оно у тебя и раньше было таким! – улыбалась она, набирая ле-

карство в шприц. – Вот, если бы кого другого искусили, – так он бы помер, наверное! – подначивала она с издевкой.

– Кулаки-то, свои, убери со стола. Мешают они мне, – обзор загораживают.

Андрей убрал руки со смущением.

Не зря побаивались его деревенские. Не кулаки у Андрея, а головы! Характер у него, хотя и терпеливый, но только до времени. Не было у Андрея полутонов в отношениях: все были или свои или чужие.

Если не трогали его, не подначивали, так и он спокойно к ним относился. А коли цепляли в разговоре, подшутить пытались, – он сперва терпел и никак не реагировал. Но когда его терпению приходил конец, Андрей поступал просто: подходил к «непонимающему» и сразу бил, без предупреждения.

Силы был немеряной, «могучий как его трактор» – говорили старики про Андрея.

Мария поставила ему укол и сделала положенные процедуры.

– Ну, все мужики, давайте назад, к пчелам своим возвращайтесь!

– Да не пчелы это, а осы! – возразил ей Степан.

– А мне почем знать, чем вы там промышляете, может пасека у вас на крыше.

– Андрей, а ты лицо им больше не подставляй, а то опухнет и треснет как арбуз!

Андрей насупился на нее, обиделся, но ничего не ответил. «Был бы мужик на месте Марии, – врезал бы. Но она женщина, – нельзя женщин обижать!» – успокаивал сам себя

На обратном пути, Андрей со Степаном заехали на работу за плотником Михеичем. Там пересели в рабочий трактор, а домкраты тяжелые в телегу погрузили. Да так и покатали с телегой до дома.

К ремонту они загодя приготовились: бревна к бане свезли, ошкурили их аккуратно, болонь целую сохранили.

Сава мох на болоте насобирает, чтобы баню проконопатить.

Можно было, конечно и паклю на ферме взять, да птички пакостят, вытягивают ее из сруба, в гнездо себе тащут. Щели от этого образуются. – Ветер сквозь них сочится и гуляет потом по всей бане.

Мох же если положить, – так совсем другое дело. Он птичкам непотребный: пока с ним до гнезда долетишь – весь по дороге растеряешь, – столько силы зря потратишь.

Вот так и приходилось, деревенским, считаться с Природой, во всей своей повседневной жизни.

Плотник с Андреем, Савой и Степаном принялись за работу. Сруб подняли на домкратах, фундаменты проверили.

Нормальный фундамент целый оказался, почти по уровню выставленный. Сгнившие сосновые венцы и доски подоконные, заменили на новые – на лиственничные. Таким

влага не страшна – долго они прослужат. По ходу половые доски заменили на новые, струганные. Листвяк – тяжелое дерево, дорогое, если его покупать. Однако в банном деле оно незаменимое.

Пар, вода и сырость – будто сама Природа создала листовенницу для таких условий.

Когда с венцами да с полами закончили, – крышей занялись.

Восстановили крышу: стропила возвели, решетку сверху набили. Закатали ее рубероидом. Шифер Андрей купил, – и весть перестелил на новый. Не вышло закончить за одни выходные, еще и отгулы пришлось прихватить.

На следующих выходных решили потолочину поменять: – раз уж взялись делать, то все до конца надо довести!

Потолочину перебрали: опилки на ней промокли, и щиты просели от времени. Балки, как ни странно, оставались целыми.

Пришлось все выгрести в огород, щиты по новой сколотить и на них засыпать опилок сухих с пилорамы. А сверху, как Михеич сказал, глины положили, и водой глиняной пролили. Глина всю влагу вытянула и высохла, стала монолитным слоем. Ничего теперь не разлетается, и тепло лучше сберегает. Для искры, случайной, потолочина безопасная стала.

Так за пару недель баньку подновили, стала, она, как но-

вая у Андрея.

Михеич по случаю, полог свежий изготовил, да скамейки сколотил.

– Ровные они, шлифованные, не занозишься на таких, отдыхай – не хочу! – говаривал плотник своему товарищу.

Уважал Михеич Андрея, – помогал тот ему.

– Ежели дров из лесу привезтить или землю вспахать в огороде, – не к кому обратиться окромя него! – говорил Михеич про молодого тракториста.

Хороший опыт получился для Савы. Столько работы новой переделал, столько тонкостей узнал. Не каждый день доведётся баню перебирать.

Бывало время, просился парнишка поработать с дядей Мишей – деревенским сварщиком.

Андреев друг любил Саву как сына своего. Учил его делу сварочному, обмазкам и электродам. Показывал как прямой шов варить, как боковой, наклонный, как потолочину. Сава месяц практиковался на ремонте, – считай, начальный уровень прошел.

– Уж наляпать-то как попало и прислунить завсегда может, – говорил про своего ученика Михаил.

– А с годик потренируется, – понимать начнет в сварочном деле

Андрей хвалил за это Саву, поощрял по-отечески:

– Смотри, мать, какой сын у нас растет, – весь в меня!

А супруга его недоумевала:

– Зачем мальчишку так нагружаешь, мал еще для тяжелой-то работы. Вот надорвешь его, а потом сам рад не будешь!

На что Андрей ей отвечал:

– Ладно тебе ругаться! Мужик растет – не девчонка! Самостоятельный, – сам же обучаться хочет! Зачем порыв у него отбивать? – А я помогу, подскажу как лучше.

Так Сава и рос: силы набирался и навыков новых. Батя помогал ему, подсказывал. Домашнюю работу, хозяйскую тоже делал.

По сезону они ходили в лес по грибы и по ягоды. На покос за деревню ездили, сено на зиму заготовить. – Во всех делах Сава участвовал.

Бывало, отдыхали с отцом на природе. Он тогда на лодке научился плавать и рыбу ловить. Андрей за старшего был спокоен, как за себя самого:

– Если чего и случится, так не пропадет сын, – на кусок хлеба всегда заработает своими руками.

Когда пришел Савин очередной день рождения, Андрей по-отцовски подарил ему нож. Хороший нож, рабочий. На все случаи подойдет: что хлебу нарезать с салом, что тушу свежую разделать. Бриткий нож, шкуру таким удобно снимать и жилы резать. Гвозди им не расколотишь, как в деревне шутили, но древесину настругать запросто. Удобный, ле-

жит в руке как влитой.

Когда приходили Андрей с Савой к Шаману, тот учил молодого:

– Ты ремень носи в штанах, – так оно положено. Не ходи без ремня. В нем вся сила мужская. А на ремень ножны одевай, когда на обряд идешь. Нож это символ твой Родовой и оружие.

С тех пор Сава так и поступал. Купил батя ему ремень. А когда они на обряд собирались, Сава ножны одевал. Со своим ножом появлялся на обряде, уже как взрослый мужчина. Пацаны деревенские видели Саву – завидовали ему.

Савина мама оберег ему дала – маленький серебряный медальон на веревочке.

– Носи его, особенно когда тяжело, или в дорогу когда собираешься, в поход длинный. Он тебя охранит и от беды отведет. Бабушка мне его передала, а я тебе передаю.

Сильная у тебя была бабушка, людей умела лечить руками своими и отварами разными. Она высоко сейчас на небесах. Смотрит на нас оттуда и желает нам всем добра. Если ей помолишься и о помощи попросишь, тогда она придет к тебе и поможет.

Так Сава и поступал, хранил оберег в надежном месте. А если куда-то в дорогу собирался то надевал его на себя, на всякий случай, для маминого спокойствия.

Егерь и Бато. Хал

Был у Егеря товарищ хороший – Бато. Учились они вместе в одной школе. Потом, правда, раскидало их, одноклассников, по разным училищам да институтам. Кто-то работать пошел после восьмилетки и коротких курсов. Многие из уехавших вернулись в деревню Родовую и в поселок. Устроились на работу, каждый по своей специальности. Шло время, молодые знакомились, семьями обзаводились, детишек рожали. Раз в год они приезжали на обряд в Милхаеву деревню, предков своих помянуть, земле родной поклониться.

Как-то появилось увлечение у Егеря с Бато, в горы ходить, в походы длинные. Собирались они со своими товарищами и шли несколько дней в верховья, а потом возвращались оттуда уставшие, полные впечатлений. На весь год эмоциями заряжались. Видели там таких же увлеченных, из других городов приезжавших, с мешками, лодками надувными.

Вот и пришла Бато идея: а не сплавиться ли нам по реке. В одну сторону прошел, поработал ногами, а обратно на плоте: быстро и с приключениями.

Бато тогда начальничал и зарплату хорошую получал. Помог ему Егерь по-дружески, в приобретении плота надувного. Сложно такой было купить, только по великому благу.

Бато, как только купил катамаран, так сразу, еще новень-

кий, его модернизировал. – Почти наполовину облегчил. Легкий стал плот, мобильный. Далеко с таким можно ходить: в горы подниматься и сплавляться оттуда по горной реке.

Бато даже имя придумал для плота – «Хал».

Когда переделывали с Андреем, механизатором деревенским, многое предусмотрели. Сначала раму с каркасом замеряли, чертеж сделали. Чертеж этот – спаяли в целлофан и положили в непромокаемую сумку. Все лишнее оттуда убрали. Упаковали поплавки, крепеж тяжелый заменили на веревки.

Так в горы поднимались, со всем своим снаряжением. А перед самым сплавом, рубили палки березовые по размеру, вместо каркаса и рамы. Потом их веревками связывали с надувными поплавками.

Сава – Андреев сын, любознательный парень был, всем интересовался.

– Дядя Бато, а расскажите про ваш «корабль»? Почему вы его «Хал» называете?

– Ну, так...! – Мужик – потому что!

– Хала по-бурятски – означает плот. Только звучит вроде как – женщина, стройная и легкая. А у меня Хал – большой и сильный! – Четыре человека могут плыть на нем со своими вещами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.